

ПРОЛОГ

Небольшое здание из грязно-серого камня — четыре этажа вокруг внутреннего дворика — было практически незаметным. Оно ничем не отличалось от других таких же, построенных в пятидесятые и шестидесятые годы. Случайный прохожий никогда не взглянул бы на него еще раз.

Только вот случайных прохожих здесь никогда не было. Их просто не могло быть на маленьком закрытом острове в пяти милях от западного побережья Норвегии, входящем в группу островов Фруан. Собственного названия у него не было.

Трижды в неделю к острову подходили катера с эмблемой Министерства здравоохранения. Если же к острову пыталось пристать сбившееся с пути из-за постоянных туманов или неисправное рыболовецкое судно, его встречали одетые в хаки мужчины с вежливыми улыбками и холодными взглядами. Вот почему никто из посторонних не мог увидеть четыре сторожевые вышки и трехметровый электрифицированный забор, окружающий странное учреждение.

Хотя что может быть странного в том, что в непримечательной во всех отношениях психиатри-

ческой лечебнице содержались люди с расстроенным сознанием и неуравновешенной психикой? Ничего! Если бы из «прошлой жизни» каждого ее обитателя не тянулся зловещий след самых кровавых злодеяний — убийств, насилия, разбоев, грабежей.

Это была специальная психиатрическая лечебница для особо опасных преступников, содержать которых, вполне естественно, необходимо в особо охраняемом месте. Все потенциальные риски здесь были сведены к минимуму. Медицинский и обслуживающий персонал проходил тщательную проверку, а постоянное видео- и аудионаблюдение давало надежную гарантию от возможных побегов и бунтов.

Впрочем, за несколько десятков лет существования клиники никому не удавалось совершить такой побег. Хотя две-три неуклюжие попытки все-таки были зафиксированы. А вот бунты не случались никогда. И, конечно, главная заслуга в этом принадлежала формам и методам применяемого лечения. Конечно, здесь был и электрошок, и экстремальные термальные процедуры, но применялись они лишь в исключительных случаях, отнюдь не чаще, чем в любой обычной психиатрической лечебнице. Основным было медикаментозное направление лечения, а главной заботой учреждения — вовсе не душевный покой пациентов, а их усмирение. Поэтому здесь усиленно применялись препараты, чье воздействие на человеческий разум было еще не до

конца изучено, а последствия — не всегда предсказуемы. А уж дозы...

С первым же приемом лекарств наступали апатия, медлительность, инертность. Взгляд становился затуманенным и рассеянным, походка — медленной и неуклюжей, движения расслабленными и плохо скоординированными. Явления эти полностью совпадали с наблюдениями за теми, кто подолгу принимает антипсихотические средства, и в клинике воспринимались как нечто вполне естественное.

Ни один пациент еще не покинул клинику излечившимся.

Раздвижная дверь палаты № 2С медленно открылась, и пациент замер у входа, ожидая приближения санитара. Очередная рутинная процедура: санитар отведет его в пункт приема лекарств. Для передвижения на столь короткие расстояния на него не стали даже надевать специальный пояс, который дистанционно выполнял функцию мощнейшего электрического разрядника. Многомесячное применение транквилизаторов и антидепрессантов полностью подавило волю пациента. Из уголка рта на подбородок стекала струйка слюны, голова была опущена и слегка подрагивала. Станным оказался лишь короткий, цепкий взгляд исподлобья, тут же потухший. Но кто мог это заметить?

В открытом кабинете фельдшера пациент получил три таблетки из рук коренастого человека сред-

них лет в белом медицинском халате. Он проглотил лекарство, а затем открыл рот, показывая, что не спрятал его под языком или за щекой. В этот момент фельдшер, стоя спиной к камере наблюдения и отгородившись телом пациента от взгляда охранника, расположившегося в маленьком коридорчике на стуле напротив открытой двери лазарета, засунул под его рубашку чип-карту и еле слышно прошептал:

— Через полчаса. По сигналу.

Это время пациент провел, лежа на жестком топчане в кабинете фельдшера, в полной неподвижности, уставясь остекленелым взглядом в потолок. Он был готов...

...Около двух месяцев назад в дом фельдшера в Тронхейме явились двое незнакомых людей. Фельдшер жил один: жена умерла десять лет назад, а двадцатилетняя дочь обучалась во французском университете модной профессии ландшафтного дизайнера. Глупая девочка! А может, это воздух Парижа и пьянящее чувство свободы вскружили беленькую головку неопытной норвежской провинциалки?! Дочка без ума влюбилась в черноволосого красавца-араба с параллельного факультета. Они даже вместе приезжали к отцу в Тронхейм на несколько дней, растопили сердце нестарого вдовца своей пылкой любовью и получили отеческое благословение. Тем более что дочка оказалась уже на шестом месяце беременности и вскоре произ-

вела на свет очаровательных мальчиков-двойняшек. Новоиспеченный дедушка был на седьмом небе от счастья и, не раздумывая, согласился, что юной маме с новорожденными лучше пожить на родине отца, в теплом климате Средиземноморья, чем в туманной и промозглой северной Норвегии.

И вот теперь оттуда, из ливийского Триполи, появились в его доме эти страшные незнакомцы. Они показали десятки фотографий счастливого семейства и спокойно сообщили, что безоблачное будущее его внуков и дочери, и даже сама их жизнь, целиком зависит от безусловного выполнения их распоряжений. Ради своих единственных близких фельдшер был готов на все.

Так он стал надежной «ниточкой» связи для пациента из палаты № 2С с внешним миром. Кроме того, фельдшер получил несколько упаковок таблеток, которыми надлежало поить пациента вместо предписанных в клинике. Таблетки творили чудеса: у заключенного прояснилось сознание, улучшилось настроение, появилась легкость, он ожил. Теперь ему приходилось притворяться: имитировать тяжелую шаркающую походку, пускать слюни, изображать человека, находящегося под действием нейролептика этаперазина. А еще одну таблетку фельдшер должен был дать обитателю палаты № 5А — старику с серьезным сердечным заболеванием и неоднократными приступами — строго в указанное время. Сегодня время пришло...

Пациент № 2С поминутно представлял себе каждый последующий шаг благодаря полученным через фельдшера инструкциям и никак не прореагировал на раздавшийся из динамиков переливчатый сигнал и голосовое объявление: «Код 3—4, Центральный портал, палата 5». Объявление прозвучало еще несколько раз. Пациент почувствовал, как на плечо ему легла рука угрюмого санитаря. Он открыл глаза и медленно поднялся. По инструкции учреждения по такой команде свободным санитарам надлежало немедленно явиться в указанное место, а все пациенты должны быть разведены по своим палатам и оставаться там под непосредственной охраной сопровождающих санитаров.

Медленный путь завершился у двери камеры. № 2С была на данный момент единственной обитаемой в небольшом отделении Западного крыла.

— Проходи!

Пациента на нетвердых ногах качнуло в сторону коридора, и санитар автоматически вытянул руку, чтобы поддержать его, а потом легким пинком отправить в камеру-палату, как делал уже неоднократно. Но в этот раз пациент неожиданно резко и сильно рванул за вытянутую руку. На лице санитаря отразились растерянность и паника: накачанный наркотиками, едва таскающий ноги заключенный вдруг проявил бурную активность — что случилось? Но уже в следующее мгновение колено пациента с силой ударило его в низ живота, а на открывшийся

затылок обрушился мощный удар двух сцепленных рук. Без сознания санитар тяжело рухнул на покрытый пластиком пол.

Заключенный быстро переоделся в его серую рубашку и брюки, прицепил значок-пропуск, прикрыв фотографию клапаном кармана рубашки. Тело санитаря он затащил в палату и нанес выверенный удар ребром ладони по сонной артерии. Теперь тот уже не поднимет тревогу. Никогда. Пациент прислушался: ничто не нарушало внутренней тишины отделения, а вот снаружи еле слышно доносился шум винтов подлетающего вертолета. Значит, оставалось чуть менее трех минут. Заключенный устремился к выходу из отделения, а затем свернул налево, на черную, рабочую, лестницу. Проход на нее он открыл полученной от фельдшера карточкой-чипом.

У престарелого пациента палаты № 5А действительно случился приступ. Обследовавшие его на месте врачи клиники констатировали общее ухудшение состояния и развитие признаков сердечной аритмии. В таких случаях полагалось перевезти больного в отделение интенсивной терапии, то есть эвакуировать с острова. Мгновенно связались с Центральной клинической больницей и запросили вертолет или катер. Погода в этих широтах была крайне неустойчивой, поэтому врачи особых надежд на винтокрылую машину не питали. Однако в этот раз транспортный санитарный вертолет с опознавательными знаками Министерства здраво-

охранения появился удивительно быстро. Погрузку на борт больного старика организовали, пренебрегая многими бюрократическими процедурами: больному становилось хуже прямо на глазах, и появились серьезные опасения за его жизнь. Так пусть это случится в Центральной клинике. Через пять минут вертолет взмыл вверх, заложил крутой вираж в сторону моря и быстро скрылся в нескончаемой чередой рваных низких облаков и густого серого тумана.

ГЛАВА 1

Герман Талеев медленно ехал по недавно заасфальтированной дороге к своей подмосковной даче, расположенной на самом краю небольшого лесного массива. Он редко бывал здесь. Гораздо реже, чем хотелось бы. Несмотря на очевидную публичность своей профессии — Талеев был журналистом, — он любил тишину и уединение. Может быть, он любил и рыбалку, только за все последние годы не имел ни одного случая проверить наличие у себя этого пристрастия. Ему обычно вполне хватало нескольких часов, проведенных в глубоком мягком кресле у полыхающего камина с коньяком и сигарой в руках. Без книг, телевизора и компьютера.

Сегодняшнее посещение этого «благословенного приюта холостяка» оказалось неожиданностью для самого Талеева: ему позвонил человек, сама вежливая просьба которого являлась для Геры неукоснительным приказом. Не столько в силу служебной подчиненности, сколько из чувства глубокого уважения к личным качествам позвонившего. Никогда за много лет знакомства, постепенно переросшего в дружбу, они не встречались на людях. Этого тре-

бовала строжайшая конспирация, абсолютно необходимая в деле, которому Талеев посвятил лучшие качества своей неординарной натуры. И это была не журналистика!

Герман Талеев являлся одним из непосредственных командиров загадочной и таинственной организации, которую сами ее участники именовали просто Командой. Другого имени у нее не было. Да и кому оно могло понадобиться?! Ни один документ не подтверждал реальность ее существования. Никаких приказов и распоряжений, отчетов о проделанной работе и платежных ведомостей. Отсутствовала даже утвержденная внутренняя структура. Из всего дюжины штатных сотрудников с натяжкой можно было выделить трех командиров, которые имели непосредственную связь с Куратором. От него они получали задания, и дальнейшая свобода их деятельности не ограничивалась практически ничем. Однако при такой кажущейся внешней призрачности решаемые Командой задачи были вполне реальны и жизненно необходимы. Команда действовала там, где заканчивались полномочия официальных властных и силовых структур. Причем использовала методы, зачастую вступающие в явное противоречие с официальной государственной доктриной и даже, случалось, декларируемыми морально-этическими принципами.

По большому счету на Команду работала вся мощь государства. В ее распоряжении были ресурсы всех силовых структур. К проводимым ею операциям привлекались сотрудники любого ведомства,

никогда и не подозревая об этом. Чаще всего такие привлекаемые были абсолютно уверены, что работают на «смежников» — ФСБ, МВД, ГРУ, — тем более что приказы о привлечении всегда исходили из таких заоблачных высот кремлевской власти, куда за разъяснениями или подтверждениями никто не рискует обращаться.

О существовании Команды знали только два человека. Причем Первый никогда не вмешивался в ее работу, а лишь признавал и поддерживал необходимость самого присутствия этого подразделения в таком беспокойном пока еще мире. Это был Президент России.

Второй... Это и был Куратор. Владимир Викторович Алексахин, бессменный Помощник Президента РФ. Человек, на встречу с которым ехал сейчас журналист Талеев на свою собственную дачу.

Гера пошарил рукой в бардачке: ключ от въездных ворот дачи всегда лежал там. На этот раз найти его не удалось. Он попытался вспомнить, когда последний раз посещал свое загородное прибежище. Кажется, месяца три назад вместе с Сергеем Редным. Или это Гюльчатай уговорила его отдохнуть на лоне природы? А, плевать. Придется вылезти из машины, зайти в дом и взять висящий на гвозде запасной ключ.

Никаких сверхсекретных замков на даче у Талеева не было, зато установлена надежная сигнализация с видеокамерами и датчиками движения, заведенная